

Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич

**Религия, ее сущность и
происхождение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Дмитриевич К.**
Религия, ее сущность и происхождение / Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 254 с.

ISBN 978-5-519-91557-1

ISBN 978-5-519-91557-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

въ богословіе догматическое, то сливаясь съ общою апологетикою христіанства, то образуя самостоятельную науку подъ именемъ: ученія о религіи, общаго богословія и пр. ⁴⁾).

Изъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ общихъ изслѣдованій о религіи, мы останавливаемся въ настоящее время на двухъ, впрочемъ существенно связанныхъ между собою, — о сущности и происхожденіи религіи вообще. И безотносительно къ важному значенію этихъ вопросовъ въ области научно-богословскихъ изслѣдованій о религіи, гдѣ рѣшеніе ихъ составляетъ необходимое предположеніе къ установленію правильныхъ понятій о сущности, значеніи и достоинствѣ религіи богооткровенной, попытка разъясненія ихъ не можетъ быть бесполезною въ виду современныхъ потребностей религіозной жизни. Въ современной литературѣ и въ обществѣ нерѣдко можно встрѣтить превратныя понятія о религіи и ея значеніи для знанія и жизни. Если эти понятія являются у насъ не какъ результатъ строгаго, научнаго мышленія, не во всеоружіи философскихъ теорій, какъ на Западѣ, но большею частію въ видѣ отрывочныхъ, навѣянныхъ уваженіемъ къ иноземнымъ авторитетамъ, мнѣній, то это не дѣлаетъ ихъ менѣе опасными для религіозной жизни. Скажемъ болѣе, эти мнѣнія на столько

⁴⁾ О значеніи и мѣстѣ изслѣдованій о религіи въ системѣ богословскихъ наукъ, равно какъ и о важнѣйшихъ сочиненіяхъ сюда относящихся, см. Hagenbach, *Encyclopädie und Methodologie der Theol. Wissensch.* 4. Aufl. 1854, стр. 278—283.

Не въ одномъ только, богатомъ разнообразіемъ философскихъ и богословскихъ движеній, западномъ мірѣ признаваема была современная потребность и важность общихъ изслѣдованій о религіи; эта потребность чувствовалась и у насъ, и не съ настоящаго только времени. Доказательство тому уроки о религіи вообще, преосвящ. Иннокентія (часть ихъ издана въ Сборникѣ изъ лекцій бывшихъ профессоровъ кievской духовной академіи, 1869 г.), трактатъ о религіи въ Введеніи въ Православное Богословіе преосвященнаго Макарія, довольно значительное число отдѣльных изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью защиту основныхъ истинъ религіи, въ современныхъ духовныхъ журналахъ, и наконецъ отдѣленіе общаго богословія отъ догматическаго, какъ предмета особой науки, въ новыхъ уставахъ духовныхъ академій и семинарій.

могутъ быть опаснѣе для нея, на сколько легкомысленное усиле-
ченіе, основанное на одномъ довѣріи къ авторитету, безъ соб-
ственной провѣрки, вреднѣе строго продуманнаго, пережитаго
мыслию, хотя и односторонняго убѣжденія. Всякій серьезный,
самостоятельный, хотя и уклонившійся по невѣрному направ-
ленію, трудъ мысли въ самомъ себѣ уже находитъ нѣкото-
рое сдерживающее начало, въ самой привычкѣ къ мышленію,
въ ясно сознаваемыхъ законахъ и требованіяхъ научнаго зна-
нія, уклоненіе отъ которыхъ возможно только до извѣстныхъ
предѣловъ; кромѣ того, основанное на мысли убѣжденіе бо-
лѣе и доступно убѣжденію мысли и знанія, чѣмъ слѣпое до-
вѣріе къ авторитету. Наиболѣе вѣрнымъ средствомъ предотвра-
тить основанные на этомъ довѣріи односторонніе взгляды на
религію и ложныя сужденія о ней можетъ быть только осно-
вательное знакомство съ тѣми теоріями, которыя служатъ пер-
воначальнымъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ источникомъ
этихъ взглядовъ и сужденій, и безпристрастная, критическая
оцѣнка ихъ.

Но кромѣ тѣхъ невѣрныхъ понятій о религіи, которыя гро-
зятъ уничтожить значеніе не только христіанской, но и вообще
всякой религіи въ современномъ обществѣ, въ сферѣ самага
христіанскаго міросозерцанія, при всемъ уваженіи къ религіи,
встрѣчаются возникшія не безъ вліянія философскихъ теорій,
разнообразныя воззрѣнія на сущность ея, которыя не могутъ
остаться безъ неблагопріятнаго отраженія на строѣ истинно-
христіанской жизни. Различіе этихъ воззрѣній, какъ увидимъ,
зависитъ отъ того, въ какомъ изъ трехъ главныхъ обнаруже-
ній психической жизни,—умѣ, нравственной дѣятельности или
чувствѣ, думали находить центръ тяжести религіозной жизни
въ чемъ полагали сущность религіи, въ знаніи ли о предме-
тахъ вѣры, въ нравственности, или въ живости и силѣ рели-
гіознаго чувства. Очевидно, что одностороннее преувеличеніе
одного какого-либо изъ этихъ элементовъ религіи, съ умале-
ніемъ значенія остальныхъ, легко можетъ вести къ послѣд-
ствіямъ, одинаково не безопаснымъ въ религіозной жизни. Ре-

зультатомъ такого односторонняго понятія о сущности религіи будетъ или мертвая вѣра и самодовольное успокоеніе на одномъ безжизненномъ правовѣріи, или естественная нравственность, чуждая истинно-христіанскаго характера, или религіозная мечтательность и праздный сентиментализмъ безъ корня—въ вѣрѣ, и безъ плодовъ—въ нравственной дѣятельности. Предотвратить подобныя односторонности религіозной жизни, опять мы можемъ, лучше всего, точнымъ и яснымъ представленіемъ о истинной сущности религіи и ея значеніи въ области нашего духа.

Какъ этою, ближайшею цѣлью нашихъ изслѣдованій о религіи, такъ и существенною связью вопроса о религіи вообще, какъ по происхожденію, такъ и по содержанію, съ философскими теоріями ея, опредѣляется для насъ и наиболѣе цѣлесообразный методъ нашего труда: это методъ критическій. Мы постараемся изложить и критически оцѣнить главныя понятія о религіи и ея происхожденіи; этотъ путь постепеннаго отстраненія невѣрныхъ и одностороннихъ мнѣній мало-по-малу приведетъ насъ къ окончательному уясненію понятія о религіи вообще и дастъ твердую точку опоры для дальнѣйшихъ изслѣдованій о двухъ главныхъ видахъ религіи: откровенной и естественной.

I.

Мы начинаемъ нашъ критическій разборъ различныхъ понятій о сущности и происхожденіи религіи, съ самыхъ низшихъ и наименѣе достойныхъ ея значеній понятій—атеистическихъ. Отвергая основную религіозную истину, истину бытія Божія, атеизмъ естественно долженъ былъ отвергнуть всякое объективное значеніе и разумность всего того цикла религіозныхъ представленій, чувствованій и дѣйствій, которыя основываются на этой истинѣ и составляютъ содержаніе религіи. Какъ самая идея Божества, такъ и всѣ проявленія чelовѣческаго духа, состоящія съ нею въ связи, для атеизма должны были пред-

ставляться не чѣмъ инымъ, какъ не имѣющими реальной истины произведеніями недостаточно развитаго ума, произвольными или ненамѣренными *вымыслами*. Религія есть или намѣренный обманъ или самообольщеніе.

Что касается до вопроса о психологическомъ источникѣ и побудительной причинѣ возникновенія этого вымысла, называемаго религіею, то отвѣты на него были различны, судя по тому, искали ли этого источника въ практическихъ стремленіяхъ и побужденіяхъ человѣка, или въ особенностяхъ его чувства, или вмѣстѣ съ тѣмъ и въ неправильной дѣятельности его низшихъ познавательныхъ силъ. Отсюда, одни производили религію изъ эгоистическихъ побужденій отдѣльныхъ лицъ, почитая ее произведеніемъ жрецовъ, законодателей, мудрецовъ; другіе находили ея источникъ въ чувствахъ ~~страха~~ и признательности, возбуждаемыхъ грозными или благотворными явленіями природы; третьи главнымъ дѣятелемъ въ ея образованіи почитали фантазію.

1. Перваго рода мнѣніе, первоначально высказанное однимъ изъ древнихъ софистовъ ²⁾, было однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ объясненій происхожденія и сущности религіи у философовъ энциклопедистовъ и ихъ послѣдователей. ³⁾ Отвергая всѣ высшія, идеальныя потребности и стремленія человѣческой природы, сводя всѣ разнообразныя побужденія нашихъ дѣйствій къ одному, мнимо-первоначальному, эгоизму,

²⁾ Критій; Sext. Emp. adv. Mathem. IX, 54.

³⁾ Не говоря о взглядахъ на сущность и происхожденіе религіи корнелеевъ французскаго энциклопедизма, Вольтера, Дидро, Д'Аламбера и др., мнѣніе, что религія есть вымыселъ жрецовъ и законодателей, было общераспространеннымъ убѣжденіемъ всего революціоннаго общества и правительства XVIII вѣка. Такъ напримѣръ декретъ 20 брюмера (10 ноября) 1793 года, уничтожающій христіанство и устанавливавшій праздникъ богини разума, былъ мотивированъ такими словами: «всѣ религіи введены различными законодателями, чтобы посредствомъ ихъ управлять народами; религіи необходимы только тогда, когда основанія правительственнаго искусства еще не довольно тверды; наше правительство не нуждается въ подобной опортѣ.» Real-Encyclopädie von Herzog 12. B. Revolution, 784 и др.

они естественно здѣсь же должны были искать и первоначальнаго побужденія къ образованію религіи, которая наглядно представлялась имъ только какъ внѣшняя совокупность различныхъ религіозныхъ учрежденій, обрядовъ и проч. Религія, по такому представленію объ основной, побудительной причинѣ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, должна быть произведеніемъ тѣхъ, кому она была выгодна и полезна. Но кто могъ извлечь изъ нея болѣе практической пользы, какъ не жрецы? За ними слѣдуютъ законодатели, которымъ собственная польза и желаніе увѣковѣчить въ потомствѣ учрежденія и законы, ими составленные, внушили мысль изобрѣсти для нихъ гарантію въ какихъ-либо болѣе высокихъ и болѣе авторитетныхъ существахъ, чѣмъ они сами. Чувствуя, что одни внѣшнія принудительныя средства недостаточны сами по себѣ внушить повиновеніе законамъ, особенно тогда и тамъ, куда не проникаетъ взоръ правосудія; опасаясь, что одно уваженіе къ ихъ личности недостаточно, чтобы сохранить значеніе этихъ законовъ послѣ ихъ смерти,—законодатели измыслили для охраненія порядка общественнаго невидимыхъ, но все видящихъ стражей, боговъ, которые могли бы слѣдить не только за явными, но и за тайными преступленіями людей, наказывать преступника не только здѣсь, но и за гробомъ. Къ законодателямъ присоединяются въ общемъ дѣлѣ установленія религіи и мудрецы, возбуждаемые хотя болѣе тонкимъ и благонамѣреннымъ, но все же эгоистическимъ въ сущности побужденіемъ—утвердить и распространить въ народѣ и на долгое время тѣ нравственныя истины и понятія, которыя они считали полезными для блага людей, придавъ имъ религіозное освященіе и форму.

Единственное фактическое основаніе, на которое ссылаются защитники подобныхъ гипотезъ, происхожденія религіи, есть — нѣкоторыя историческія указанія на тѣсную связь религіи съ общественною жизнію, законодательствомъ и наукою въ древнія времена. Указываютъ напримѣръ на то явленіе, что въ древнѣйшія эпохи господствующая форма общественной

жизни была ееоократическая, и что въ учрежденіи и поддержаніи этой формы существенный интересъ могли имѣть только жрецы; далѣе на то, что древніе законодатели, напримѣръ Зароастръ, Миносъ, Нума Помпилій, Моисей, пользовались религіею какъ средствомъ внушить уваженіе къ законамъ; ссылались на божественное откровеніе, какъ на источникъ своего законодательства; вмѣстѣ съ гражданскими законами и въ тѣсной связи съ ними установили и религіозныя учрежденія, чтобы придать силу первымъ; наконецъ на то, что древнія философы нравственнаго и космологическаго содержанія представляются часто подъ покровомъ религіозныхъ аллегорій и мифовъ, что слѣдовательно религіозныя представленія во времена глубокой древности могли быть намѣренно создаваемы для цѣлей практическаго распространенія и утвержденія истинъ вовсе не религіозныхъ.

Первое опроверженіе этого, мнимо-историческаго доказательства, въ самой же исторіи, въ томъ несомнѣнномъ фактѣ, что религія гораздо древнѣе жрецовъ, законодателей, философовъ, и что, поэтому, они не могли быть изобрѣтателями того, что имъ предшествовало. Въ первобытномъ патріархальномъ состояніи всѣхъ народовъ мы находимъ еще религію безъ жрецовъ. Главы семействъ исполняютъ религіозныя обязанности, которыя потомъ уже переходятъ къ отдѣльному сословію жрецовъ; такъ напримѣръ было у евреевъ, грековъ, римлянъ. И въ настоящее время мы находимъ нѣкоторыя племена безъ жрецовъ, но не безъ религіозныхъ понятій. Что же касается до ееоократической формы правленія, будто бы общей всѣмъ народамъ древности и условливавшей утвержденіе религіозныхъ вѣрованій, то исторія показываетъ, что эта форма была далеко не всеобщею и первоначальною; у нѣкоторыхъ народовъ ея не было (Китай, Греція, Римъ), а гдѣ она и была, тамъ зависѣла отъ особенностей *предшествующей* религіозной жизни и ея силы. Какъ религія предшествовала жрецамъ, такъ же точно предшествовала она и законодателямъ. Послѣдніе являются въ древности въ столь тѣсномъ отноше-

ніи къ религіи потому, что религія имѣла въ то время особенную силу; такъ какъ религіозныя вѣрованія были уже существенно связаны съ общественнымъ бытомъ племенъ, то и законодатели не могли не пользоваться ея вліяніемъ для утвержденія своихъ постановленій. Что касается до древнихъ мудрецовъ, то уже то одно обстоятельство, что они находили полезнымъ облекать свои философемы религіознымъ покровомъ съ цѣлю ихъ большаго распространенія и утвержденія, показываетъ, что они не были изобрѣтателями религіозныхъ вѣрованій, но что религія существовала еще до нихъ, какъ такая могущественная сила, одно соприкосновеніе съ которой могло придавать научнымъ истинамъ тотъ авторитетъ, какого онѣ не могли бы имѣть, будучи предлагаемы какъ открытія человѣческаго только ума и знанія.

Но забудемъ на время о ясныхъ указаніяхъ исторіи, свидѣтельствующихъ, что предполагаемое изобрѣтеніе, религія, древнѣе мнимыхъ ея изобрѣтателей. Остановимся на нихъ самихъ и спросимъ, *могли ли* они изобрѣсти религію, и могло ли ихъ изобрѣтеніе, болѣе или менѣе эгоистическое, быть принято тѣми, на кого было разсчитано, могли ли вообще мнѣнія, вымышленныя отдѣльными лицами, стать *религіею*, получить ту всеобщую силу и значеніе, какое имѣла и имѣетъ она во всѣ времена, у всѣхъ народовъ? Центръ, около котораго вращаются всѣ религіозныя понятія и который служитъ ихъ основаніемъ, есть конечно идея о Богѣ, какъ Существо высочайшемъ, сверхчувственномъ и всесовершенномъ. Но какимъ образомъ могла возникнуть впервые эта идея у людей, окруженныхъ предметами чувственными, ограниченными, видимыми? Религіозныя понятія распространились отъ жрецовъ, законодателей, мудрецовъ; но откуда въ нихъ самихъ могли возникнуть эти понятія? Какой процессъ размышленій могъ привести ихъ самихъ къ предположенію Существа высочайшаго, о которомъ ничто внѣшнее не могло дать имъ понятія? На эти вопросы не даютъ и не могутъ дать намъ отвѣта защитники разсматриваемой нами гипотезы. Назвавъ представленіе

о Богѣ, основное религіозное представленіе, *вымысломъ*, они думаютъ, что этимъ все уже сказали. Но каждый вымысль, особенно имѣющій такое громадное значеніе въ жизни человечества, долженъ же имѣть какіе-либо психологическіе законы и причины своего происхожденія. Для составленія самаго фантастическаго представленія нужны элементы, заимствованные изъ данныхъ, реальныхъ впечатлѣній; самая смѣлая фантазія не создаетъ изъ ничего, но преобразуетъ и комбинируетъ элементы дѣйствительныхъ впечатлѣній; но гдѣ же эти элементы для составленія понятія о невидимомъ, вѣчномъ, всемогущемъ Существомъ—въ дѣйствительности, представляющей рядъ частныхъ, ограниченныхъ, измѣнчивыхъ предметовъ и явленій? Не указывая этихъ элементовъ, останавливаясь на понятіи вымысла, какъ на чемъ-то данномъ и само по себѣ очевидномъ, разсматриваемая нами гипотеза не только страдаетъ поверхностностію, но и внутреннимъ противорѣчіемъ; она не объясняетъ того, что имѣетъ въ виду объяснить, — именно *первоначальнаго* происхожденія религіозной идеи. Что вымысломъ, съ извѣстной точки зрѣнія, можно объяснять происхожденіе и распространеніе конкретныхъ религіозныхъ представленій, мифовъ,—это понятно; но самый вымысль—адѣсь предполагаетъ уже общую, первоначальную почву или основаніе, къ которому онъ могъ бы прикрѣпиться; эта почва, существующая уже въ человѣческомъ духѣ въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ—религіозная идея, какъ представленіе о Существомъ высочайшемъ, какъ потребность искать этого Существа. Объясненія же первоначальнаго происхожденія этой основной идеи и не можетъ дать гипотеза, о которой идетъ рѣчь.

Правда, намъ указываютъ на самолюбіе, властолюбіе, жажду безсмертія въ потомствѣ и пр., какъ на субъективныя причины измышленія религіозной идеи. Не говоримъ о томъ, что подобныя личныя побужденія могли быть только неопредѣленными побужденіями *вымышлять*, но не дать готовыхъ, объективныхъ элементовъ для такого понятія, ничего сходнаго съ которымъ не представляла существовавшая до того область

представленій и понятій. Не значить ли быть крайне одностороннимъ и несправедливымъ къ достоинству чело­вѣка, про­изводя такое многозначительное и всеобщее явленіе въ чело­вѣчествѣ, какъ религія, изъ такого мелкаго и мутнаго источ­ника, какъ эгоизмъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ или сосло­вий, напр. жрецовъ? Исторія религій у всѣхъ народовъ ясно показываетъ намъ, что жрецы не были только эксплуататорами въ свою пользу религіозныхъ убѣжденій народа, и что въ области этихъ убѣжденій было много такого, что не пред­ставляло ни малѣйшаго практическаго интереса для жрецовъ и никакъ не могло быть употреблено ими въ свою пользу. Не вездѣ жреческое сословіе представляется намъ богатымъ, силь­нымъ, вліятельнымъ, пользующимся въ своихъ эгоистическихъ интересахъ мнимыми благами доставляемыми религіею. Напро­тивъ, мы находимъ, что жрецы добровольно принимаютъ на себя многія ограниченія и лишенія, предписываемыя религіею, — лишенія, которыя не были обязательны для другихъ людей; что благами жизни они наслаждаются, и почитаютъ себя на­слаждаться въ правѣ, не меньше чѣмъ жрецы; обѣты воздержанія, посты, продолжительныя молитвы, самоистязанія, аскетиче­ская жизнь, исполненіе многочисленныхъ и тяжкихъ часто обрядовыхъ постановленій, — все это почитается преимуще­ственною обязанностію жреческаго сословія во всѣхъ почти религіяхъ; у всѣхъ народовъ господствуетъ убѣжденіе, что люди, думающіе стоятъ ближе прочихъ къ божеству, должны быть нравственно совершеннѣе, чѣмъ прочіе люди, и быть пер­выми и болѣе строгими исполнителями тѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ предписаній, которыя они обращаютъ къ дру­гимъ. При такомъ положеніи дѣла, можно ли говорить, будто жрецы установили и поддерживали религію только для свое­корыстныхъ цѣлей? Жрецы конечно могли быть обманутыми и самообольщенными въ своемъ служеніи религіи, но никакъ не намѣренными обманщиками, и уже потому одному, что они сами вкушали бы болѣе горькіе, чѣмъ сладкіе плоды своего обмана, въ видѣ различнаго рода лишеній, ограничивающихъ

чувственность. Конечно, мы говоримъ все это не съ тѣмъ, чтобы принимать на себя апологію языческихъ жрецовъ и защищать ихъ полное безкорыстіе. Очень можетъ быть, что когда религія существуетъ въ обществѣ, какъ учрежденіе всѣми признанное и уважаемое, къ ней, какъ и къ другимъ высшимъ сферамъ человѣческой дѣятельности и жизни, могутъ привиться чуждые ей по существу, эгоистическіе интересы и подъ вліяніемъ этихъ интересовъ видоизмѣняться и направляться къ личнымъ, практическимъ цѣлямъ, частныя религіозныя представленія и учрежденія. Не отрицая подобныхъ явленій, мы утверждаемъ только, что они суть въ религіозной жизни явленія производныя и второстепенныя, а никакъ не первоначальная причина происхожденія религіи. Они могутъ имѣть мѣсто или въ эпохи полного господства извѣстной религіи въ народѣ, когда глубокое уваженіе къ ней простирается и на ея представителей и даетъ возможность нѣкоторымъ изъ нихъ злоупотреблять своимъ вліяніемъ; или напротивъ, въ эпохи упадка религіозныхъ вѣрованій, когда остаются однѣ внѣшнія религіозныя формы безъ вѣры въ ихъ содержаніе, и когда лицемеріе можетъ сознательно пользоваться религіею, какъ средствомъ для постороннихъ, не религіозныхъ цѣлей. Но и въ эти, далекія отъ времени первоначальнаго происхожденія религіи, эпохи, злоупотребляющіе религіею жрецы пользуются существующими уже религіозными учрежденіями, но не производятъ и не вымышляютъ сознательно новыхъ религій. Римскіе авгуры во время упадка римскаго политеизма, не могшіе безъ смѣха смотрѣть другъ на друга, ограничивались поддержаніемъ существующаго религіознаго устройства, но не создали новыхъ религіозныхъ понятій, которыя поставили бы жрецеское сословіе въ положеніе болѣе выгодное, чѣмъ то, какое оно занимало въ Римѣ. И новая религія, возникшая на развалинахъ греко-римскаго язычества, была распространена не своекорыстными жрецами, а бѣдными рыбаками, имѣвшими въ виду не богатства и почести, а страданія и мученическую смерть.